

Т.П. Буслакова

«Двенадцать»

«Двенадцать» — это поэма о революции. Чтобы выяснить, каково было отношение поэта к этому событию, надо определить жанр поэмы. В лирической поэме герои могут быть двойниками автора, как у Лермонтова в поэме «Мцыри». В этом случае ясно расставлены эмоциональные акценты, в связи с чем нет сомнений в отношении автора к происходящему. В эпической поэме повествование ведет рассказчик. Он может быть близок поэту, но бывает, что его образ представляет собой особенное явление.

Так происходит в блоковской поэме, вычленять мнение автора о революции можно, анализируя весь художественный строй произведения.

Есть и еще одна трудность: произведение создано поэтом-символистом. В символистском образе два плана: предметный и переносный. Они не отделены друг от друга резкой границей, а, напротив, «просвечивают» друг в друге. Поэма написана в тот период, когда стилистика поэзии Блока приобрела новое звучание, однако расстаться с тягой к символической образности поэт не мог.

Пейзаж, которым начинается поэма, построен на антитезе:

Черный вечер.
Белый снег.

Поэт обращается к повествованию о времени, когда на первый план выходят контрасты социальных признаков, они сталкиваются, враждуют, борются. Ветер эпохи сметает все устаревшее. Оно кажется ненужным, вредным для будущего, но метель делает положение человека неустойчивым, ценности размываются, и трудно ответить на самые простые вопросы:

Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Первыми в поэме появляются герои-прохожие: поскользнувшийся ходонок, старушка, писатель, поп, барыня, женщины легкого поведения, бродяга.

Каждый из персонажей произносит маленькую реплику, во всех них звучит удивление, которое пробуждает странное время. Необычен образ автора, в русской литературе такого еще не было: никакие действия героев не вызывают его сочувствия. Он готов насмеяться под упавшей барыней, над несоответствием положения и намерений проституток, выступающих на собрании, над непочтительностью к священнику, названному просто «долгополом», даже над старушкой, которая «кой-как перемотнулась через сугроб».

Все эти странности объясняются тем, что наступило царство новых людей:

— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

В их приходе есть историческая закономерность, они продолжают путь России, поэтому в них воплощено нечто святое. Но изменено направление этого пути — он больше не ведет к добру, Россию душит злоба. И куда он выведет страну, неизвестно, жителям приходится «глядеть в оба».

В поэме двенадцать глав. Это число — самый значительный элемент стилистики. Звучит последний удар старого дня, впереди — новые сутки, новый год, когда все изменится.

Во второй главе появляются главные герои: среди снега и ветра идут «двенадцать человек». Они окружены огнями, находятся в центре светового пятна. Живописная

символика привлекает к ним внимание, так как они герои времени. Важна и библейская аллюзия¹. Это новые апостолы, провозвестники невиданной веры.

Один из них, Ванька, выходит из общего строя, чтобы встретиться с Катькой. Их изображению сопутствуют просторечия и грубые снижения. Они сидят в кабаке, проматывая припасенные деньги, названные новым словом, передающим колорит времени:

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

Таким образом, в персонажах наличествуют и реальные, даже сниженные черты, и возвышение их до религиозно-философского плана.

Глава заканчивается броским лозунгом, характерным для революционного времени:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг...

В таком же ключе представлено намерение разрушить традиционные ценности. Святая Русь оказывается ушедшим в незапамятное прошлое, забытым понятием, устаревшим, подобно деревенской избе:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —
В кондовую²,
В избяную,
В толстозадую!

Ритмический рисунок третьей части, стилизация под частушку, дополняет маршевую чеканность окончания второй части. Метрическая окрашенность — это особая характеристика, позволяющая передать дух времени. Исследуя ее, можно выяснить и социальное положение героев, и свойственный им настрой. Время звучит в двух основных ритмах, все остальное — дополнение. Герои времени — это молодые ребята («Как пошли наши ребята//В красной гвардии служить...»), согласные на то, чтобы у них было «рваное пальтишко», устремленные в будущее, которое готовы приблизить оружием и насилием. Они проходят по городу военным строем, выступают против «всех буржуев». Гиперболой является утверждение, что революционный пожар охватывает весь мир, но реалистической деталью выглядит замечание о том, что он обуславливает все особенности их психики, пылая у них в крови:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Отворачиваясь от старого мира, герои не могут отказаться от основы старого мировоззрения — религии. Философско-религиозная тема развивается, начиная с первых глав поэмы. Они миниатюрны, но в каждой из них возникает новый аспект проблематики.

В четвертой главе содержится еще один момент, расширяющий повествование. Ванька, благодаря «физиономии дурацкой», заставляет вспомнить о главном сказочном герое русского фольклора — Иване Дураке. Подобно ему, он ус «Да покручивает,//Да пошучивает», заговаривает красну девицу, которая «Запрокинулась лицом,//Зубки блещут жемчугом».

Образ Катьки приобретает значительность, благодаря упоминанию о ее бурном прошлом:

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.

¹ *Аллюзия* — стилистическая фигура, заключающаяся в соотнесении описываемого с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка.

² *Кондовый* — старинный, прочный, основательный.

Героиня — это воплощение греха, он настолько слит с ее душой, что ей легче от него:

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

В шестой главке выясняется, что Ванька не первый избранник Катьки. Маленькая сценка изображает перестрелку, где Катька погибает. Продолжением издевательских оценок упавших прохожих в первой главе является отзыв о смерти героини. Виноват в ней Ванька. Упоминание о двух других персонажах активизирует библейскую аллюзию, так как всех трех героев зовут именами Апостолов:

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!...
...
Лихач — и с Ванькой — наутек...

Ни автору, ни героям не жалко Катьки, она превращается в «падаль», ненужная обуза исчезает, и звучит призыв к революционному маршу.

Однако ее убийца не может оправиться. Благодаря тому что внимание привлекается к его внутреннему смятению, этот сюжетный эпизод предстает кульминацией поэмы, поражающей неожиданным эмоциональным сломом. Катьку убил ее бывший любовник Петруха, приревновав к Ваньке. Потеря любимой («Эту девку я любил...» — гл. 7) оказывается страшным испытанием, от которого он не может прийти в себя:

Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шею —
Не оправиться никак...

Товарищи Петрухи расценивают его отчаяние как помеху в общественной борьбе. Нельзя личное ставить выше ее, шагающий в строю должен быть бодрым, веселым, готовым отдать все силы революции. Только то, что Петруха «опять повеселел», несмотря на внутреннюю боль, позволяет снова увидеть в нем товарища. Всех, идущих в строю, ждет нечто значительное. Этим ощущением окрашено время:

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

В восьмой главе воспроизводятся внутренние переживания Петрухи. Несмотря на оптимистические уверения в том, что он готов «поддержать свою осанку», «повеселеть», герой страдает и томится, вспоминая о «зазнобушке». Свои страдания Петруха излагает в форме народной песни. Отказаться от русского мирозерцания оказалось невозможно, в него хотелось «пальнуть пулей», но оно оказалось сильнее смерти. Герой как будто поет скорбную поминальную песню. О «буржуйе» он вспоминает только в конце, но именно его обвиняет в произошедшем.

Социальное угнетение наложило отпечаток на его натуру, сделав ее грубой, мстительной:

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку...

Девятая глава добавляет в ритмические характеристики метр городского романса. В ней звучит одно из таких произведений, в котором изменяются слова в соответствии с новой художественной целью.

Не светит больше романтическая полночная луна, гораздо актуальнее то, что «больше нет городского» (полицейский чин), и можно бесконтрольно гулять.

Буржуй на перекрестке кажется одиноким голодным псом. Да и весь старый мир похож на вопросительный знак, жметя к стене, сравнивается с паршивой собакой. Здесь можно увидеть проявление авторской концепции, но она не так однозначна, как взгляды новых людей. В прошлом были не только марши и частушки, но звучали романсы, существовал порядок, а главное, сверху на все происходящее смотрел всевидящий и милостивый («Упокой, Господи, душу рабы твоея») Бог.

Между идущими в строю возникает спор на религиозные темы по поводу природных явлений, созвучных настроению времени. Поднимается пурга, и свое изумление Петруха выражает привычным вводным словом. Ему возражает другой революционный воин, предлагая задуматься, от чего спасает «золотой иконостас». Однако упоминание о том, что душа революционера сформирована в прежнее время, выглядит авторским замечанием. Все гораздо сложнее, чем представляется революционерам. Тем не менее они как герои времени должны идти вперед, к будущему, и в этом их назначение, но для каждого в том же и беда. Все вместе они рабочий народ, и в этом определении забываются имена, личные свойства:

— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Двенадцать революционеров идут по Петербургу «без имени святого», поэтому им «ничего не жаль». Отторжение вызывает у них весь старый мир, в настоящем они «ко всему готовы», а будущее окрашено революционным красным цветом. Алый флаг закрывает им поле зрения, он «В очи бьется». Все, не приемлющие их правды, представляются врагами. Чем они ближе, тем тверже должен быть их шаг, дальше сомнения. В этом — оправдание их стойкости и бескомпромиссности.

Автор называет такой шаг державным. Этот эпитет сближает его позицию с мнением о России Пушкина, называвшего в поэме «Медный всадник» державным течение Невы («Медный всадник». Вступление).

Неожиданным является то, что продолжение истории России поэт-символист видит в революции, тем более что в таком контексте образы патруля становятся символами прогресса. Мятеж сменяет непротивленчество христианства, он не порожден им, а просто связан с ходом событий.

В конце поэмы создается образ Того, кто «И за вьюгой невидим, И от пули невредим». В настоящем флаг истории — кровавый, но в дальнейшем все может сложиться иначе.

Вера в «нежную поступь» христианства окрашивает завершение повествования о героях нового времени. Они пытаются не придавать значения вековым ценностям, чем удивляют автора. Для него несомненно, что впереди человеческого общества — Христос, рассыпающий, как будто снежную пыль, милости даже тем, кто не видит, что история движется за ним, преодолевая препятствия. Мир прошлого остается позади, испытывая неутолимый голод к жизни, но обреченный на смерть. Поэт верит в то, что людей ждут счастье, чудо, жемчужная россыпь благ:

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Символика розы и белого цвета связывает образность поэмы с ранней лирикой автора, в творчестве которого были периоды сомнений и метаний. Поэма свидетельствует о завершении этого пути, приведшем его к осознанию смысла истории, к пониманию гуманистических начал бытия.